

ЗАВТРА ВСЁ НАЛАДИТСЯ

БАРАНОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

16+

Любовь Барановская

Завтра всё наладится

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53660283

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06672-4

Аннотация

Одна квартира. Девять человек и кошка. В тесноте да не в обиде? Или негде побыть наедине с собой? У каждого члена семьи свои проблемы и секреты. Муж-алкоголик и жена, которая его не любит. Мальчик, боящийся не выглядеть крутым. Девочка, предпочитающая вымысел реальности. Девушка, страдающая от безответной любви. Провинциалы, которые не могут покорить столицу. Пожилая пара, живущая прошлым. Можно ли всё изменить? И захотят ли сами домочадцы что-то менять?

Содержание

Утро	4
Соня	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Утро

Бабушка Тоня всегда просыпается первой. Муж рядом тихонько сопит. Высокий потолок ещё темен. Кажется, что слышно, как в углах лениво подергиваются усы тараканов. Воздух по-ночному душный и пыльный. Нужно встать, открыть окна, зажечь торшер в кухне, заварить цикория и открыть роман Дины Рубиной, вчера Тоня успела прочитать всего несколько страниц перед сном. Нужно встать — но куда спешить, если нечем заняться?

Антонина Ивановна вспоминает любимые утра в детстве. Запах манной каши и крепкий чай без сахара, тугие косы, которые плела мама, горячие и немного дымные даже от старого утюга платья. Руки матери, чаще всего суровые, а не ласковые. Ласковыми Тоня ощущала их только раз, после смерти матери, когда та уже не могла их отдернуть. Лежа в гробу, мать была на удивление спокойна.

Жизнь Тони к ласке мало располагала. Партийные указы исполнялись неукоснительно, работы всегда было много, а времени — мало. Всю жизнь Тоню окружали люди. Люди разные — добрые, плачущие, властные, больные, умоляющие. Находясь на ответственных должностях помощников высокопоставленных лиц государства, ни одного из этих людей Тоня не предала, по крайней мере, хотела так думать. Хоть и не удалось достичь тех карьерных высот, на которые

поднялась мать, работой Тоня всегда была довольна и отдавала ей всю себя. Почему же сейчас она осталась не у дел, почему в администрации все начальники сменились, и Антонина им совершенно не нужна?

Негромко хлопнула входная дверь. Натка пришла. Всё чаще невестка ходит в ночные смены, причем, кажется, не вместо, а вдобавок к дневным. Денег в семье при этом больше не становится, но у Натальи появляются время от времени платья и украшения. Не хочется её винить, даже если у детей давно нет новой одежды и книг. Да и квартиру могли бы уже снять, не всю ведь жизнь планируют на ушах друг у друга тут сидеть? Впрочем, теперь Тоне с мужем недалеко до смерти, так что не ей переживать о планах молодых.

Скрипнули половицы, стукнула дверь в соседнюю комнату, и послышалось недовольное бормотание Сереженьки. Наташа, кажется, ответила: «Вставай, бухая рожа». Давно прошло то время, когда от молодых стоило ждать милования, сейчас они жили недружно, постоянно грызлись и старались встречаться как можно реже.

В детской пока было тихо — вдруг в школу проспят?

Игорь Семенович дернулся, вскрикнул и схватился за палку. Тоня легонько стукнула его по руке, пальцы разжались, палка грохнулась об пол, Игорь открыл серые, почти бесцветные уже глаза.

– Снова бушую? — прочистив горло, предположил он, маскируя сонливость светским тоном.

– Когда бы не бушевал. Рано ещё, полежи. Я чаю сделаю.

– Благодарю.

Каждое утро Тони начиналось с инвентаризации, как называл это Сереженька. Боль давно не была для Тони врагом, скорее — надоедливый соседом. Поясница, колени, затылок, запястья. Слепнуть было наиболее досадно, последние полгода Антонина уже не могла читать без лупы, что значительно замедляло знакомство с новыми книгами. Жизнь неслась всё быстрее, и вынужденно медленное поглощение нового делало Тони безнадежно устаревшей особой. Внуки давно предлагали бабушке перейти на аудиокнижки, но отказаться от бумаги и чернил хозяйка квартиры пока готова не была.

Это утро начиналось не сложнее прочих, и Антонина Ивановна, вздохнув, спустила ноги с кровати, нащупывая на ледяном полу меховые тапочки. Тапочки подарены Сонечкой, старшей внучкой, на прошлый Новый год, и уже посерели от пыли. Поймав их, Тоня привычным движением закрутила седые волосы в пучок, аккуратно надела очки в поцарапанной темной оправе и укуталась в толстый клетчатый халат.

Бороться с пылью удавалось не всегда. Стоит выдохнуть после уборки на пару дней — и в углах уже снова кучкуются мягкие серые клубочки. От Наташи помощи не дождешься с её круглосуточной работой, ей и в кафе уборки хватает, а просить о помощи гостей как-то неприлично. Вот Тоня два раза в неделю и переползала из комнаты в комнату, с передышками каждые пять минут, тыкая шваброй в плинтус и

щели паркета. Сонечка, если оказывалась дома, помогала, но уборка была ей ощутимо для Тони неприятна, и бабушка отпирала дверь, чтобы учиться или отдохнуть.

Пошевелив пальцами ног и устроившись в тапочках поудобнее, Антонина схватилась за ненадежную прикроватную тумбочку, встала, скрипнула дверью. Прикрыла её за собой неплотно, и в щель скользнула Муська.

На кровать кошке было нельзя, но Игорь Семенович с утра мог притвориться спящим и кошку не сгонять. Минут десять пушистая лоскутная неуклюжая кроха шуршала одеялом, периодически нанизывая его на когти, цепляясь, путаясь, чуть не падая, кружась неловко по ногам Игоря, затем затихла. Кошачье тепло проходило сквозь тонкое одеяло, просвечивающее пятнами, если засунуть под него голову.

Игорь Семенович любил каждую минуту жизни. В отличие от жены, он на боль внимания не обращал, хотя ранения частенько напоминали о себе. После войны он радовался чаю, хлебу, одеялу и кошке так же сильно, как подаркам в дни рождения, мелькающие всё чаще.

О войне в квартире не говорили. Дети и внуки не знали даже толком, что это была за война, много было военных действий тогда. В отличие от знакомых, дедушка вспоминать то время не любил и с военными товарищами не встречался, предпочитая делать вид, что и вовсе никогда ему не пришлось, поступаясь принципами, прибегать к насилию и жестокости. Ещё бы не утренние яркие сны — и жена бы забы-

ла о прошлом.

Главным достоинством войны Игорь считал эту новую любовь к жизни и восхищение мирным бытом. Встает солнце, распускаются фиалки на подоконнике, жена заваривает чай, Муська тихонько урчит в ногах — больше ничего и не надо.

Кухню Антонина нашла занятой. Юрка, вышедший из комнаты в одних серых семейниках, достал из холодильника отцовскую бутылку пива, поставил её посреди стола и теперь тихо побренькивал в ящике, пытаясь обнаружить открывашку. Услышав покашливание бабушки, он вздрогнул, задвинул ящик и провел ладонью по спутанным после сна кудрям.

— Бабусь, ты что так рано?

— Могу задать тот же вопрос, юноша. Отцу похмел готовишь?

— Ну... да. Слышал, они с мамой ругались.

— Смотри мне. Узнают, что пьешь, — уши оборвут.

— Что ты, мне же шестнадцать, какое пиво, — не удержавшись, усмехнулся Юрка.

— Иди сестру буди. В школу опоздаете. Отец сам проснется, а пить пиво после употребления накануне вредно.

— Иду, бусь, — чмокнул он неловко Антонину в щеку и скользнул в туалет.

Выглянув в коридор — не идет ли кто — Антонина быстро налила воды в чайник из-под крана, как привыкла. Придумали тоже дети, фильтры, накипь, металлы какие-то. Всю жизнь из крана воду пила — и жива ведь.

Стоило достать из шкафа курабье и открыть холодильник, в ноги уже ткнулась Муська.

— Пушистая предательница, бросила Игорюшу? — пожурила животинку Тоня. Пестрый хвост ходил из стороны в сторону, уши прижались, лоб обтирал белые ноги Антонины. До речки что ли летом дойти? Зинулю вывести точно не мешало бы, всё дома да дома ребенок...

— Утречко! — заглянула Маша, зевая во весь рот. Её длинная рыжая коса за ночь почти не растрепалась. — Омлет не ставили ещё, Тонь-Ванна?

— Пока не ставила. Доброе утро.

— Ща, помоюся, и сразу всё сготовлю! — пообещала Машка, одернула подол коротковатой ночнушки и ушла в ванную, зашумев тут же водой изо всех сил. Неужели нельзя поменьше открывать кран, в гостях ведь, не дома! Нет, обязательно на полную лить...

Не успела бабушка намазать бутерброды, мимо к двери уже промелькнул рюкзак с единорогами.

— Сонечка, возьми что-нибудь? По дороге хоть пожурь?

— Привет, бабуль, — обняла быстро Тоню, выглянувшую следом, тонкая и высокая девушка в одном пока что ботинке. — Яблоко есть?

— Держи. Тебе с твоей работой только яблоки и жевать! Бутерброд может? А лучше — сядь на пять минут, чайник вскипел почти.

– Не могу, бабуль, мне сегодня открываться, надо ночных сменить уже, я проспала. Завтра суббота, обязательно поплюю с тобой с утра кофе, хорошо?

– Хорошо, котенок. Береги себя.

– И тебе хорошего дня! — крикнула Соня уже с лестницы.

Стукнула дверь в комнату, в коридор вышла Наташа.

– Вы что, мама? Кто-то приходил?

– Сонечка на работу убежала, — Антонина рассеянно вытерла руки о подол халата.

– Я с работы, она на работу, вот жизнь.

Наташа дернула дверь ванной.

– Сейчас-сейчас, ещё десять минут, — крикнула Маша.

– Дурдом на выезде. Людям на работу собираться надо, а эта бездельница в ванне валяется, — пробормотала Наталья, подходя к зеркалу в коридоре и открывая пузырек со смывкой. Начав стирать один глаз, она продолжила расспросы: — А Юрец где?

В туалете зашумела вода, искомый сын буркнул «доброе-утро-мам» и прополз мимо нее в детскую, захлопнув дверь.

– Да что такое! Зину собирай давай, в школу опоздаете! — метнувшись следом, крикнула мать.

Зина испуганно зыркнула на неё из-под одеяла:

– Доброе утро, мамочка. Я уже встаю.

– Вот и вставай быстрее, время видели?

Один глаз у Натальи был уже чистый и потому маленький,

невзрачный, на другом ещё красовалась ярко-синяя стрелка. Губы сына дернулись в усмешке. Наталья резко обернулась к нему.

– Собираемся-собираемся, — пробормотал сын, глядя в пол.

– Вот и собирайтесь!

Наталья выбежала в коридор, несколько раз стукнула со всех сил в дверь ванной и на очередную реплику Машки сползла по стене, раскинув ноги в салатовых тапочках. На тапочках улыбались разноцветные почему-то зайцы, красный и оранжевый.

– Как же вы все меня задолбали, — закрыв ладонями несимметричное лицо, глухо произнесла Наташа.

– Чай, может? Или кофе? — осторожно перешагнула через её ноги Антонина.

– Да, не откажусь. Спасибо, — вздохнув, невестка встала и вернулась к зеркалу.

В детской, негромко, оглянувшись на дверь, Юра спросил сестру:

– Зинка, ты что лежишь?

– Мне кажется, я заболела...

– Этого ещё не хватало, ты что, маму не видела? Держи градусник, быстро. Меряем и бежим. Сейчас бутер тебе принесу. Какое платье достать?

– Не надо платье, можно я дома останусь?

– Значит, синее будет. Давай-давай, засовывай под мыш-

ку, знаю, что холодный. Если 38 наберешь — останешься. Но лоб у тебя не горячий, так что особо не надейся.

Зевая, из соседней комнаты вышел в коридор помятый Сережа, привычно пригнувшись под люстрой. Как и сын, он обошел Наталью по стеночке, та же, выплеснув все эмоции, сосредоточенно оттирала бордовый с губ.

— Мам, привет, — упал Сереженька на табуретку в кухне.
— А где-то ещё оставалось...

— Никакого пива, — понизив голос, твердо ответила Тоня.
— Чай почти заварился.

Заглянул Юрка, стащил со стола два бутерброда, без улыбки кивнул отцу и вернулся к сестре.

— Почти тридцать семь, смотри! — подняла голову Зина.
— Не считается, вставай давай. Ешь.
— А зубы почистить?
— Там снова тетя Маша. Сначала оденешься, потом умоешься перед выходом. Давай, косы тебе заплету. Осторожно, крошками кровать не засыпь, сама потом ворочаться будешь.

Поникшая Зина дотянулась до книги и успела перелистнуть страниц двадцать, пока брат справлялся с её волосами. Обычно кудри до поясницы распутывала Соня, но в последнее время между учебой и работой она по утрам ничего не успевала.

Грохнула дверь ванной, на кухню выкатилась покрасневшая Маша в одном полотенце.

– Ну что, братец, как утречко твое?

– Машка, не ори.

– Ладно-ладно, молчу. Осталось масло ещё? А яйца куда подевались...

Называть Сережу братом Маша любила, но не уточняла степень близости их родства. Маша была дочерью двоюродного брата Игоря Семеновича, скончался тот уже лет десять как. Познакомились «брат с сестрой» всего месяца три назад, когда Машка с мужем Геной позвонили в дверь московской квартиры, приветственно помахав чемоданами.

Наталья вернулась на кухню через десять минут, посвежившая, с накрашенными заново глазами, на этот раз менее броско — золотыми и бежевыми тенями, и в рабочем синем, в цвет дочкиному, платье, которое успело высохнуть после вчерашней генеральной Тониной стирки. В чем же она тогда ночью работала? Утром Тоня видела невестку только в домашнем наряде. Неужели в той черной тряпочке с блестками, не прикрывающей колени, её на работу пустили?

– Дети, выезжаем, — крикнула Наталья, не оборачиваясь, уже без особой злобы в голосе, и достала из холодильника питьевой йогурт со злаками и малиной. Муж зыркнул на неё из-за чашки чая, Наташа ответила ему столь ехидным взглядом, что оставалось только язык показать для завершения чистой эмоции. — И тебе уже пора, небось. Глаза продрал наконец?

– Вот завелась-то, чесслово, на пустом месте. Поменяю я

лампочку вечером, и к чемодану твоему колесико прикручу. А то вдруг тебе в дальние страны отдыхать, а ты вещи не соберешь в темноте, да не вывезешь!

— Ой, Наташенька, командировка что ли? — обрадовалась Антонина.

— Что вы, мама, до командировок мы ещё не доработались. Но порядок-то в вещах быть должен!

— В отпуск она собралась. С подру-у-ужками... Знаю я шлюх твоих, и чем ты поедешь заниматься тоже знаю! — проинформировал домочадцев Сергей.

— Сережа! — воскликнула Антонина. — Ты как с женой разговариваешь, чай пей лучше.

— И то правда, наедине потом поговорим, любимая. Тебе детей ещё в школу везти.

— И то верно, тебя-то прав лишили, — наконец не сдержалась Наташка, показав язык и сразу помолодев от этого ребячества. Повернувшись на пятках (жаль, не успела туфли надеть, стукнула бы каблуками), она вылетела из кухни.

Из комнаты послышалось ворчание и нытье детей, через пару минут хлопнула входная дверь.

Выдохнув, Сергей допил чай одним глотком, поставил чашку в мойку и пошел скрывать дырки на майке рабочей одеждой.

— Ты что же, яичницу не дождешься? — крикнула вслед Машка и продолжила тише, уже для Антонины: — И вот куда они все спешат, нет бы поесть нормально, ничего ж не

сготовлено ещё!

— Так они-то работают, — беззлобно подметила Тоня и налила себе ещё чаю. — Это ты встаешь ни свет ни заря, только чтобы в ванной ребятам помешаться. Спала бы на час подольше — и то польза.

— Что вы, Тонь-Ванна, как же можно до обеда спать? Сейчас вот Генку растолкаю, чаю закинем и — гулять.

— Где ходите-то хоть? По магазинам всё, небось?

— Нет, что сразу «по магазинам»? — оскорбилась Машка. — Вчера вот в парке Горького уточек смотрели. Ещё на выставке были недавно, этой, современного искусства.

— И как же тебе современное искусство?

— Да знаете, прямо говоря — фигня! Но вот одна картина из пятен мне понравилась, я на неё минут двадцать смотрела, так и не поняла — что в ней тоскливого.

— Да, сила живописи, — кивнула Тоня и потянулась за книгой.

— Одно жаль — никак работа не находится. Пишем-пишем анкеты эти в интернете, а они не читают даже — зовут то в уборщицы, то в официантки.

— Тоже труд, что ж теперь.

— Понимаю, но Генка-то с его спиной не пойдет грузчиком, да и я куда потом из уборщиц?

— Мне всегда казалось, что лучше начать хотя бы с чего-то. Может, в процессе удастся куда получше перейти.

— Да уж, если так и не найдем, то придется. Но какую же

квартиру мы на такие деньги снимем. Вам-то скоро совсем надоедим, не год же жить.

От перспективы терпеть дальнюю родню в квартире год Антонина Ивановна поморщилась и кивнула:

– И то верно. Надеюсь, вам повезет в ближайшее время.

– Дай-то Бог. Вам с Игорем Семенычем яишенки оставить?

– Спасибо, Маша, не стоит, нам жареное вредно.

– И точно, всё время забываю! Ну ладно, пойду будить...

Страницы романа затягивали всё глубже, и, вглядываясь в непослушные буквы, Тоня едва заметила, как сбежала обратно в постель кошка, как ушел на работу Сергей и как, наконец, отчалили на поиски искусства с утками иногородние захватчики.

Игорь Семенович, успевший задремать, проснулся от тяжести на ногах и чуть не скинул перебежчицу.

– Муська, ты что ли? Всё, разошлись кормильцы? Ты ж моя бедняжка. Иди сюда, почешу. Пальцы у меня уже не те, женщин гладить такими стыдно, но ты ведь привыкла? Только ты меня и любишь по-настоящему, красавица. Думал ли я в молодости, что импотенция — не главная проблема в отношениях с барышнями, наступающая в старости? Да, знаю, ты каждое утро это слушаешь, а всё же иногда досадно, согласишься. Что там Тонечка, читает небось очередные романчики? Хоть бы радио включила погромче.

На кухне Тоня вздрогнула над книгой, вспомнив, что му-

жа пора бы и будить. Перевернув томик на стол, давая цветам на скатерти время разделить с ней восхищение сюжетом, она повернула ручку радио и достала любимый заварочный чайничек Игоря.

Игорь в комнате улыбнулся и обернулся к окну. Облаков на посветлевшем за последние часы небе не наблюдалось. Отличный день, чтобы вытащить Тоню пройтись до ближайшего парка. Но сначала — одеться, умыться, пожарить тостов, намазать их абрикосовым повидлом, прочитать газету и покормить Муську.

Каждое утро в старом доме начиналось одинаково. Каждый вечер в старом доме завершался одним и тем же.

Соня

— Снова опаздываешь?

— И тебе доброе утро, Оль, — Софья кинула сумку на стул за стойкой и встала за спиной у коллеги.

— Да какое доброе, это ты спала ночью.

— Кто тебе такую ерунду сказал. Экзамены сами себя не подготовят.

— Всё приятнее, чем за котами в три часа ночи убираться. Тридцать вторая снова шумела полночи, соседние, как всегда, на них жаловались.

— Когда они съезжают?

— Кажется, не в этом месяце. Ты же знаешь — лучший хостел района.

— Да уж, мы элитные, — хмыкнула Соня. — Давай, освободи место, мне надо отчеты делать, а тебе — спать.

— Сейчас, пасьянс доразложу. Пройдись лучше пока по коридору, вдруг кто уже хочет уборку.

— Убедила.

«Корона» не была местом мечты. Хостел на пятьдесят комнат в пятнадцати минутах ходьбы от метро, последний ремонт был лет пятнадцать назад, зарплаты не повышались, кажется, столько же. Второе место работы, «Роза», нравилось Соне куда больше, но там у неё были смены лишь вечерами пятницы в ресторане. Вот и что потянуло в гостинич-

ный бизнес?

Соня с детства мечтала стать переводчицей. Видела себя как наяву рядом с дипломатами, в руках — диктофон, в кармане — телефон и блокнот, в сумке — пара бутылок воды. И со встречи на встречу, с корабля на бал, с самолета на прием. Если бы не двое младших, вечный бардак дома и злобная англичанка — был бы хоть один шанс поступить на бюджет, но нет, последнее место заняла лучшая подруга Лариса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.